

«С такой наболевшей любовью»

Сегодня поэту Арсению Тарковскому исполнилось бы 85 лет

Уже в третий раз мы отмечаем этот день без него. А он так любил свой праздник.

А если был июнь и день рождения,
Боготворил я праздник суетливый,
Стихи друзей и женщин поздравленья...

Три года назад окончилась еще одна драма, которая называется «Жизнь Арсения Тарковского». Но сегодня хочется говорить о нем светлыми словами и высоким стилем. Потому что отец был человеком светлым и удивительно благородным.

Я пишу «удивительно», ибо жить ему выпало во времена, когда это качество было очень неудобным. Он был человеком прямым и не умел скрывать своего отношения к событиям и к людям. Поэтому приходится удивляться, что его миновали репрессии — в сталинские времена «стукачей» среди писателей было предостаточно.

Поэт Тарковский, говоря его словами, «равнодушием отчей земли не обидел». В срок первом году, не желая пользоваться полагавшейся «броней», он ушел защищать свью Родину от нашествия «марсиан», как называл он фашистов.

Свою чашу он выпил до дна — после ранения чуть не умер от газовой гангрены, перенес четыре ампутации, терпел «фантомные боли».

Отец любил людей и был добр к ним — остаток своей ноги он называл «органом страдания».

Он любил жизнь и боялся смерти. Старость принесла ему много испытаний, которые он

переносил с христианским смирением. Смерть он принял достойно...

Отец был великим тружеником, ибо «перевоплощение во слово» требует титанического и мучительного труда.

...Я возьмусь за работу ночную,
И пускай их до безлого дня
Обнимаются направаю,
Пьют вино, кто моложе
меня.

Что мне в том? Непочатая глыба
На два века труда предо мной.

Может, кто-нибудь скажет спасибо
За постылый мой подвиг ночной.

Поэтические переводы... Кажалось бы — нелюбимое занятие, каторга. «Ах, всеобщие переводы, как болит от вас голова!». Но какая профессиональная ответственность, какое погружение в оригинал, какие поиски единственно возможного эквивалента, какое чувство стиля, наконец!

А как он подробно разбирал рукописи молодых авторов, шедшие к нему потоком. Он не позволял себе отделаться общими замечаниями или пустыми советами, считая работу с начинающими поэтами частью своей литературной деятельности. Как радовался отец, когда в этом потоке обнаруживал золотые крупинки поллиного таланта!

Когда кончается земная жизнь известного человека, начинается его канонизация. Мне бы не хотелось, чтобы из отца делали ангела, добренького и умилительного, не хотелось бы, чтобы превозноси-

ли его так называемую детскость. Он был человеком — мог быть и жестоким, и несправедливым, а за своей детскостью укрывался порой от житейских проблем.

Но когда речь шла о главном — о жизненном призвании, о поэтическом и гражданском долге, о чести, он всегда оставался мужественным и стойким, ответственным перед великой русской поэзией, перед своей Отчиной.

Марина ТАРКОВСКАЯ.

Земля

За то, что на свете я жил
неумело,
За то, что не криедой
служил я тебе,
За то, что имел
небессмертное тело,
Я дивной твоей
сопричастен судьбе.

К тебе, истомившись,
потянутся руки
С такой наболевшей
любовью обнять,
Я снова пойду
за Великие Луки,
Чтоб снова мне
крестные мужи принять.

И грязь на дорогах
твоих несладима,
И тощая глина
твоя солона.
Слезам солдатскими
будешь хранима
И вдовьей смертельного
скорбью сильна.
1944.

* * *

Порой по улице бредешь —
Нахлынет вдруг повесть
откуда

Фото публикуется впервые. (Из архива И. М. Бошняк.)

И по спине пройдет,
как дрожь,
Бессмысленная жажда чуда.

Не то чтоб встал
кенгавр какой
У магазина под часами,
Не то чтоб
на Серпуховской
Открылось море с парусами,

Не то чтоб захотеть —
и ввысь
Кометой взвиться над
Москвою
Иль хоть по улице
пройтись
На полвершка над
мостовую.

Когда комета не
взвилась,
И это назовешь удачей.
Жаль: у пространства
иная связь,
И времена живут иначе.

На белом свете чуда нет,
Есть только ожиданье чуда.
На том и держится поэт,
Что эта жажда ниоткуда.

Она ждала тебя сто лет,
Под фонарем изнемогая...
Ты ею дорожи, поэт,
Она — твоя Серпуховская,

Твой город и твоя земля,
И незлелевшая комета,
И даже парус корабля,
Сто лет, как сгнувшийся со
света.

Затем и на земле живем,
Работаем и узнаем
Друг друга по ее приметам,
Что ей придется стать
стихом,
Когда и ты рожден поэтом.
1946.

* * *

Ночью медленно время
идет.

Завершается год
високосный.
Чуют жилами старые
сосны
Вешних смол коченеющий
лед.

Хватит мне повседневных
забот,
А другого мне счастья
не надо.
Я-то знаю: и там, за
оградой,
Чей-нибудь завершается
год.

Знаю: новая роца встает
Там, где сосны кончаются
наши.

Тяжелы черно-белые чаши,
Чуют жилами срок и черед.
1976.